

Недели пролетели незаметно для Люка. Его дни были заполнены бесконечным перечитыванием одних и тех же страниц, но каждый полдень Халлин, врач, приходил справиться о нем. Визиты Халлина были краткими, но его поведение было дружелюбным и доступным. Он казался по-настоящему общительным, готовым вести светскую беседу с вежливым профессиональным видом. Помимо еженедельных встреч с Ханом, эти встречи были единственными случаями неконфронтационного разговора Люка. Люк пытался получить полное представление о ситуации в ходе каждого из своих визитов. - Как у вас дела сегодня, мой дорогой пациент? - поинтересовался Халлин, доставая сканер из футляра. Люк ответил, что с прошлой недели ситуация практически не изменилась. Затем Халлин поинтересовался жизнью в "быстром пути", не отрывая взгляда от дисплея сканера.

- О, вы же знаете, у меня нет времени на себя, - сухо ответил Люк, осторожно выпытывая информацию у медика. "Какова на самом деле жизнь в реальном мире?" медик ответил отстраненным тоном, все еще поглощенный данными на дисплее. - Не могу сказать. Мы не заходим далеко. - Люк удивленно поднял брови. "В самом деле? Я не могу себе представить, на что это должно быть похоже."

Халлин взглянул на книгу, лежащую открытой обложкой вниз на столе рядом с ними. "Итак, как продвигается твое чтение? Что ты закончил вчера?"

Люк ответил: "Ну, я дочитал последнюю книгу на полке, и когда я проснулся сегодня утром, там была новая книга. Это похоже на волшебство!"

Халлин язвительно заметил: "Возможно, книжная фея оставила вам какие-нибудь благодарности или записку со словами "молодец"."

Медик поднял глаза, выражение его лица было притворно серьезным, на губах играла слабая улыбка. "Действительно, отличная работа", - сказал он. "спасибо".

Люк серьезно ответил: "С сожалением должен сказать, что новые книги еще менее увлекательны, чем старые. Я надеялся, что вы поделитесь со мной более интересными новостями из-за пределов этих стен".

Натан Халлин улыбнулся в ответ на просьбу Люка предоставить информацию и вернулся к своей работе, внимательно изучая место соединения протеза с натуральной кожей пациента. С искренней улыбкой он заметил: "О, мне не следовало бы говорить об этом, но если это не причинит вреда, то какой вред в том, чтобы поделиться?" Халлин поднял глаза, его тон был твердым и открытым. "Мы пытаемся помочь тебе, Люк. Ты это понимаешь?"

Пациент, однако, не смог полностью скрыть вызова в своем голосе, когда ответил: "Я понимаю, что вы заперли меня здесь на весь день".

- Что ж, если вам от этого станет легче, - беззаботно произнес врач, пытаясь развеять мрачные нотки в голосе Скайуокера. Он оглядел удивительно большую палату, которая по размерам напоминала апартаменты Натана, включая просторную комнату для освежения. По размерам она, вероятно, превосходила даже новую квартиру Натана в Северной башне. Внезапное погружение в это царство великолепия заставило Натана, выросшего в богатой семье на планете-столице, быть несколько ошеломленным и испуганным размерами и роскошью своего окружения. Тем не менее, как сын Вейдера, Люк, должно быть, привык к роскошной жизни, поскольку в какой-то степени был знаком с роскошными стандартами дворца, хотя и без особых подробностей, запечатлевшихся в его памяти. Таким образом, его реакция на роскошную комнату не была неожиданной для Натана.

"Неудивительно, что это не приносит мне никакого утешения, - заметил Халлин, - и не кажется мне знакомым".

- Заключен в тюрьму? Вставил Натан. - Это, конечно, достаточно знакомо, но я имею в виду саму комнату. Хотя командер Рис предполагает, что вы, возможно, не помните свои предыдущие покои в Северной башне, он упомянул, что вы пробыли здесь меньше года или что вы были здесь до своего отъезда."

Люк, озадаченный, посмотрел на медицинского работника и ответил: "Я все еще в недоумении". Халлин ответил веселым тоном: "Я тоже, но если это хоть как-то утешает, то здесь такое естественное положение дел. На мой взгляд, любой, кто утверждает, что разбирается в местной ситуации, либо лживый человек, либо шпион. С такими людьми лучше держаться на расстоянии. Я уверен, вы уже знаете об этом."

Скайуокер нахмурил брови, выглядя озадаченным. - Почему ты думаешь, что я могу быть в курсе таких вещей? Натан поднял взгляд. - Ну, очевидно, ты тот, кто живет здесь. Конечно, я тоже теперь живу здесь, но для меня это новый опыт".

- Подождите, я здесь не живу. Почему вы так думаете?

"Ну, это апартаменты, которые вы занимаете. Вот как я пришел к такому предположению..."

Скайуокер решительно покачал головой. - Нет, это не мои покои. Я никогда не жил здесь раньше. Кто сообщил вам об этом?

Натан поднял руки в защитном жесте. - Я полагал, что ваш помощник хорошо осведомлен.

Глаза Люка расширились от удивления. "Какой помощник?" - продолжил Натан, - "Ваш личный ассистент или адъютант - как бы вы его ни называли - лейтенант-командер Рис, человек за стойкой регистрации вашей квартиры, наверняка Люк его знает". Но Люк настаивал: "Это не моя квартира, и этот человек не мой помощник. Я понятия не имею, о чем вы говорите". Натан поискал в глазах мужчины обман, но увидел только недоумение.

Однако командер Рис объяснил, что отец Люка, лорд Вейдер, отправил имперского агента внедриться в ряды повстанцев, но тот был схвачен и содержался под стражей более года. Обнаружив его, Вейдер понял, что повстанцы подвергали его сына промыванию мозгов и идеологической обработке в течение нескольких месяцев. Медицинский персонал не участвовал в этой процедуре, поскольку она проводилась с помощью консультирования. Помощник подчеркнул, что их вмешательство может нанести ущерб. После разъяснения фактов командер Рис воспользовался моментом, чтобы подчеркнуть важность этих секретных данных, доступ к которым ограничен высшими эшелонами дворца и теми, у кого есть прямой доступ. Он объяснил, что именно сам император предоставил доктору доступ ко всей этой информации.

Рис также заявил, что, хотя он и не сказал об этом прямо, положение Натана в имперской армии не было достигнуто без его способности читать между строк. Император назначил его личным врачом Скайуокера, и тот счел, что ему можно доверять, предоставив эту информацию, и возложил на него ответственность перед императором за любые проступки.

Это отрезвляющее осознание, и что Натану следует сделать сейчас, так это просто воздержаться от вопросов, как он делал это каждый день. Ему следует неопределенно кивнуть в знак согласия, вежливо извиниться и уйти. Ему следует вернуться в свои роскошные апартаменты в башне Императорского дворца в центре Империи. Там он сможет

расслабиться, выпить чего-нибудь и насладиться тем, что ему невероятно повезло оказаться здесь. Тем не менее Натан не мог не испытывать влечения к молодому человеку, который смотрел на него с предвкушением, ожидая хоть какого-то ответа. Натану казалось, что в данной конкретной ситуации молодой человек верил, что поступит правильно и что другие последуют его примеру просто потому, что у него хватило смелости противостоять императору Палпатину и Дарту Вейдеру.

Натан пристально посмотрел в глаза молодому человеку, пытаясь сопротивляться притяжению. Он отвернулся и пошел прочь, думая, что у этого молодого человека есть свои проблемы, с которыми нужно разобраться, и это его не касается. Тем не менее, если они и пытались решить эти проблемы, то не добились большого прогресса.

Так или иначе, кто были эти люди? Натан никогда не встречал никого другого в тех квартирах, где он побывал, за исключением командера Джейд. Понизив голос, он спросил: "Что вы пережили в прошлом году? Вы помните?"

- Не совсем, - ответил Люк, нахмутив брови и заставив себя замолчать в ответ на вопрос Халлина. - Я был в секторе Сесвенна, я полагаю. Почему вы спрашиваете?

- С кем? - спросил я. - настаивал Халлин.

Люк пожал плечами, не желая вдаваться в подробности. Что-то подсказывало ему, что он может доверять Халлину, и они уже знали, кто он такой. Все его покои находились под наблюдением, поэтому он предпочел не разглашать подробности.

- Под прикрытием? Снова спросила Халлин, не совсем понимая, что имеет в виду Люк.

Люк колебался, затем сказал: "Мы обнаружили, что если раскроем нашу принадлежность к Альянсу повстанцев, имперские силы начнут нас преследовать. Таким образом, да, мы должны действовать под прикрытием".

Халлин понимающе кивнул. - Как имперский агент, участвовавший в Восстании?

На этот раз настала очередь Люка удивляться. На что намекал Халлин? Тон Халлина оставался спокойным и собранным. "Год назад ваша личность была раскрыта, и повстанцы задержали вас. Мы считаем, что они реабилитировали вас и привили вам веру. Вы верите, что именно это и произошло?"

Люк был ошеломлен. "Подождите... что?!" - нахмурился врач. "Неужели вам никто этого не объяснил?"

- Ты в это веришь? Кто тебе это сказал?

В тот момент Люк не знал, что ответить. Должен ли он был возмутиться, оскорбиться или просто позабавиться? Он не стал отрицать ни одно из обвинений, настолько нелепыми они казались.

"Это не имеет значения. Важно то, что мы движемся вперед", - сказал Натан.

Люк настаивал: "Это важно для меня. Я хочу знать, кто стоит за этим заговором".

Натан терпеливо вздохнул: "Как ты думаешь, почему твои передвижения ограничены?"

Люк поправил его: "Почему я должен думать, что нахожусь здесь в заключении?"

- Потому что ты часть Альянса повстанцев. Потому что ты джедай, " сказал Натан.

Скайуокер все больше злился, но Натан не чувствовал угрозы. — Могу я поинтересоваться, известно ли вам о происхождении вашей семьи - кто ваш отец?- Ответил Люк, не в силах сформулировать свои мысли вслух. - Действительно, я в курсе. Более того, я понимаю, что портал, через который мы прошли, укреплен сложным механизмом открывания ступеней, а стены оплетены замысловатыми кабелями. За прозрачными стальными стеклами установлены по меньшей мере четыре высококачественные камеры наблюдения военного образца, что является необычным решением для этого помещения. "Нет, это ненормально, но, как я уже сказал, в настоящее время ваши суждения противоречивы. Я хочу сказать, что, учитывая ваше прошлое, какова вероятность того, что вы станете частью альянса повстанцев?

Люк ответил: "Мое прошлое - единственная причина, по которой я не в тюрьме, или, что более важно, почему мы все еще живы".

Пока он говорил, дверь начала открываться, и Люк поспешно добавил: - Вот и все. Мы перешли черту и слишком близки к истине. Они выведут тебя на улицу и попросят молчать, Халлин. Они скажут вам, что я неправ, а они правы, потому что они хотят, чтобы люди в это верили. Делайте, как они говорят, и храните молчание. Вы действительно верите, что они скажут правду?

Люк знал, что почувствовал тень сомнения в мыслях доктора. Халлин посмотрел на дверь, затем снова на Скайуокера, выражение его лица выдавало неуверенность. Люк почувствовал внезапный укол вины за то, что раскрыл так много, понимая, что это может подвергнуть опасности медицинского работника. Люку следовало бы промолчать — какое это имело значение, если доктор его не одобрял? Если результат не имел значения, то не было необходимости в споре, а если и был... Тогда Люк вообще не должен был ничего говорить, потому что это только поставило бы доктора под угрозу, что Люк уже и сделал, просто сказав правду.

Это была загадка: если Люк не согласится с планом Палпатина, могут пострадать люди — не Люк, а те, кто его окружал, кто не был вовлечен в ситуацию, но был вовлечен в нее как сопутствующий ущерб. Подобно человеку с темными глазами, стоящему перед ним с напряженным выражением лица, Люк мог либо играть в игру по правилам Палпатина, либо столкнуться с последствиями — и если бы это было ему во вред, он бы принял на себя основную тяжесть. Однако этого так и не произошло. Это всегда был кто-то другой - тот же самый человек, которым Палпатин манипулировал с момента прибытия Люка. Почему нет? Это так хорошо работало у Палпатина..... это сработает снова. Оба мужчины остановились, когда в комнату вошли шесть членов Красной гвардии с оружием наготове. Люк раздраженно вздохнул. "Если вы хотите увидеть завтрашний день, просто согласитесь с ними, - сказал он, - но поверьте мне, когда я говорю, что они вас обманывают". Он наклонился ближе и продолжил: "Поверьте мне, когда я говорю вам, что если вы хоть на мгновение усомнитесь в том, что я говорю правду, вы все равно не доживу до завтрашнего дня.

Высокий широкоплечий мужчина встал между охранниками и вежливо махнул рукой. - Пожалуйста, пройдите со мной, - сказал он. Халлин нахмурился и посмотрел на мужчину, затем снова повернулся к Люку, не понимая, что происходит. - Кто вы? - вежливо, но твердо повторил мужчина, давая понять, что он не привык ждать.

Медик послушно кивнул, но, когда он приблизился к охранникам в алых одеждах, его

миниатюрная фигура показалась ему совсем маленькой на фоне их внушительного вида. Он в последний раз оглянулся на Люка...

Люк отвернулся, когда дверь закрылась и защелкнулись замки. В отчаянии он швырнул книгу, которую читал, через всю комнату.

Ранние вечерние сумерки начали отбрасывать темные тени на огромный зал, медленно проникая снаружи. Люк молчал, сидя в одиночестве и ожидая возвращения Джейд. Его внимание было сосредоточено на том, чтобы притворяться скучающим перед часовыми, стоявшими у двери, и поддерживать скрытую связь с Полицией.

Его наряд состоял из темно-синей рубашки и брюк, элегантный покрой которых был ему хорошо знаком. Изысканная ткань, несмотря на удобство, придавала ему уверенности, как будто они были продолжением его кожи. Он предпочел оставить манжеты и воротничок расстегнутыми, зная, что это создает атмосферу уверенности и непринужденности. Люк обнаружил, что находится в гостиной, двери в обеденный зал плотно закрыты, а слуги заняты тем, что накрывают стол к ужину. Ни он, ни другие гости еще не притронулись к еде. Здесь не было дроидов, чтобы обслуживать их, только люди-слуги. Люк на мгновение задумался о местонахождении Арту и Трипио, задаваясь вопросом, были ли они все еще на борту "Сокола" и увидит ли он их когда-нибудь снова.

Он встал и подошел к высоким, внушительным окнам, в которых, несмотря на их внушительные размеры, не было никаких искажений. С этой выгодной позиции он смотрел на город, который казался одновременно близким и в то же время далеким, почти неземным. Сам Татуин был всего лишь далеким воспоминанием, полузабытой мечтой. В чистых прозрачных стальных окнах отражалось призрачное отражение огромного безжизненного помещения, в котором он стоял.

Высокие сводчатые потолки и грандиозные масштабы теперь были ему знакомы, но он тосковал по тесным, уединенным пространствам своих прежних кают на других кораблях и планетах. Люку был предоставлен доступ в три хорошо укрепленных помещения. От Халлина, врача, он получил смутные намеки и подсказки, которые навели его на мысль, что эти комнаты были частью более крупного комплекса. Они включали в себя помещения для прислуги, покои помощников, залы для аудиенций, тренажерные залы, комнаты отдыха, библиотеки, конференц-залы и офисные помещения, а также множество других помещений, которые составляли обширное и раскинувшееся во все стороны жилище.

Люк задавался вопросом, действительно ли Халлин поверил ему после их краткого и тайного разговора несколькими днями ранее, или врач просто пошутил, выражая свое разочарование по поводу родов Люка. Он не ожидал, что они прикажут ему хранить молчание, но Халлин казался искренним в своих усилиях облегчить положение Люка. Тем не менее, были очевидные ограничения. Учитывая склонность Императора к манипуляциям, Люк не удивился бы, если бы ситхи стратегически расположили рядом с Люком кого-то, кому он мог бы доверять. Они создавали иллюзию связи, но на самом деле такой связи не было. Халлин, казалось, был готов поделиться с Люком фрагментами информации о внешнем мире, но было ясно, что он считает, что Люк должен оставаться в своем роскошном заточении и не будет выходить за его пределы. Джейд, казалось, тоже сохраняла этот фасад, с тщательно продуманной внешностью и сфабрикованным прошлым и будущим, хотя и с некоторым пониманием того, что скрывается за поверхностью. Тем не менее, она называла это место "вашей квартирой" и снабжала его книгами из его библиотеки и едой из его кухни, которую доставляли сотрудники, которые вежливо кланялись и никогда не задавали вопросов. Вероятно, это и было их целью. Если бы

Люк был чьим-то личным помощником, можно было бы задаться вопросом: "Почему за запертой дверью может скрываться целая армия?" Но никто этого не сделал.

Они принесли безупречно чистую одежду и красиво сервированные обеденные подносы, вежливо улынувшись, когда Люк поинтересовался их именами, и нервно оглядывая комнату в поисках Джейд, которая обычно присутствовала здесь, или, в ее отсутствие, еще кого-нибудь. Было странно, как быстро он к этому привык — это не имело значения, поскольку он знал, что находится под постоянным наблюдением усовершенствованной системы наблюдения. Когда Джейд вышла из комнаты, Люк проверил это, незаметно отойдя в сторону от дверного проема и наблюдая за ее реакцией, когда она вернулась и повернулась к нему лицом. Казалось, она всегда точно знала, где он находится, и до сих пор было выявлено только одно "слепое пятно". Это продолжалось два дня, прежде чем неделю спустя оно перестало быть "слепым пятном".

Люк мог бы легко отключить камеры, используя Силу, но он не видел смысла в этом, зная, что они будут восстановлены в течение нескольких часов и что они поймут, что он вмешался. Нет, это будет сюрпризом на более поздний срок, который будет использован в более подходящее время.

За несколько недель до этого Люк и Джейд начали играть в Сабакк по схожим причинам. Джейд преуспела в игре, хотя ей не хватало практики. До недавнего времени Люк проводил за игрой по паре часов через день на Хоте из-за отсутствия других занятий. Поначалу Люк спотыкался на победах и поражениях. В качестве теста он попытался победить Джейд в серии из трех партий подряд. Это привело к тому, что она отказалась играть в течение нескольких дней. Люк раскладывал пасьянс или погружался в чтение до тех пор, пока Джейд не могла устоять перед желанием возобновить игру. Он позволил ей поиграть только для того, чтобы понаблюдать за ее реакцией.

Конечно, не все пошло по плану. Карты оказались непредсказуемыми, и Джейд, похоже, умело пресекала попытки Люка предугадать ее ходы. Тем не менее, благодаря их играм Люк лучше понял ее характер. Он узнал, как обойти ее защиту. Когда он добился успеха, карты подтвердили его стратегию, и Джейд также смогла лучше понять Люка благодаря своему пристальному наблюдению.

Люк заметил, что Джейд постоянно искала подсказки или надежные индикаторы, которые могли бы помочь ей понять его. Было очевидно, что она верила, что эти знания окажутся полезными в какой-то момент в будущем, поскольку она была скрупулезна в своем подходе. Это было одно из качеств, которыми Люк восхищался в Джейд, — ее педантичность. Он следил за ее присутствием в Силе, пока она перемещалась по уровням Западной башни, каждый этаж которой был идентичен следующему. В этом знакомом пространстве она привыкла к рутине. Ее первоначальным недостатком было резкое поведение, которое было скорее привычкой, чем врожденной слабостью. Среди множества разумов он без труда различил ее, поскольку ее слабая связь с Силой была заметна даже на расстоянии. После семи недель принудительного заключения он познакомился с ней поближе. Прошло семь недель, и оставалось еще пять недель до истечения срока действия соглашения о двенадцати неделях. Через три недели после начала осуществления своего плана он начал планировать побег Хана. И Мара была ключом к разгадке, хотя и не подозревала об этом. Он проводил долгие часы каждый день, незаметно отслеживая ее шаги и ее характерное присутствие в коридорах и на этажах, когда бы она ни покидала его тюрьму. В одних местах она была сосредоточенной, в других - властной или придиричивой. Проявляла почтение, когда находилась рядом с императором. Мысленно составила карту здания, в котором он находился, — точное место, куда ему нужно было попасть. Объединила эту информацию в план.

Затем, готовясь, спрятал это за собственными защитными щитами.

Потому что каждый вечер приходил император. Каждый вечер одни и те же дискуссии, одни и те же отказы, которые изматывали его, провоцировали, бросали вызов и подстрекали, оспаривали каждый ответ, проверяли все границы дозволенного. И с каждым вечером Люк чувствовал, что его самообладание слабеет все больше, а раздражение становится все сильнее. Он чувствовал, что его гнев близок к закипанию, пока он пытался сохранять бесстрастное поведение перед лицом все возрастающих провокаций. Сегодняшний вечер не станет исключением...

Палпатин сидел в своем кресле, наблюдая за своими джедаями, сидевшими напротив него. Он возвел ряд ментальных барьеров, готовясь к сегодняшней встрече. Он овладел искусством скрывать свои мысли от Палпатина, скрываясь в тени и используя силу дневного света. Палпатин знал, что его джедаи пытались ускользнуть от его внимания, и этот факт не стал для него неожиданностью. На самом деле, он был бы встревожен, если бы они не попытались сбежать, но он понимал их затруднительное положение. Мальчик был увлечен учебой, и Палпатин заметил, что они разрабатывали свою стратегию с особой тщательностью. Они прекрасно понимали, что это их единственная возможность, и, вероятно, тщательно все спланировали. Жизнь их товарища была в опасности, и они не хотели его бросать. На месте Палпатина он, возможно, поспешно сбежал бы, оставив остальных на произвол судьбы. Однако он понимал выбор мальчика и восхищался его непоколебимой преданностью.

Палпатин, несмотря на свою борьбу с ценностями, от которых он не отказался полностью, все еще цеплялся за них. Эти ценности начали проявляться по мере того, как он боролся с глубоко укоренившимися ограничениями, которые препятствовали его прогрессу, и он все больше осознавал их. Вся его мощь, весь пыл его духа и решимость были направлены на определенный аспект Силы, который требовал от него умолять о том, чего он желал, и позволял ему контролировать лишь малую часть своего потенциала. Джедаи были бы благодарны, если бы поняли это. Когда Мара ушла, молодой человек бросил взгляд на приоткрытую дверь, символизирующую предполагаемую свободу, которая лежала за ней.

"Ты ошибаешься, если думаешь, что я держу тебя в плену", - сказал Палпатин.

Скайуокер ответил просто: "Тогда открой дверь".

Губы Палпатина изогнулись в улыбке. "А куда бы вы отправились, джедай?" спросил он.

Молодой человек вздернул подбородок, но промолчал. В последнее время он редко принимал вызов — он учился, когда следует вступать в спор, а когда поддаваться на провокацию. Палпатин знал, что его слова задели за живое.

Император продолжил: "Джедай, именно поэтому я бы не хотел, чтобы ты был моим. Теперь ты запятнан, и эта связь разорвана. Что касается твоей любимой принцессы, то эта связь также разорвана. Я предупреждал тебя, что она приведет к твоему падению, и теперь она присоединилась к Восстанию, распространяя истории о твоём происхождении. Ты думаешь, что сможешь вернуться к прежней жизни? - Улыбка императора стала шире, обнажив ряд темных гнилых зубов. Он продолжил: "Не судите меня слишком строго. Я просто хочу разъяснить вам природу тех дружеских уз, которые вас окружают. Они сдерживали вас, боясь вашей силы. Они заставляли вас скрывать ее, как будто стыдились ее, ограничивая и запирающуюся в себе. И все же, когда им требовалась ваша помощь, они ожидали, что вы подчинитесь беспрекословно."

Они обременяли вас обязательствами и ожиданиями, требуя непоколебимой верности. Однако это то, что они предлагали взамен — предательство. Такова была природа ваших отношений с ней. Это она предала вас, а не я. Только она одна обладала знанием, и решение защитить тебя или оставить, оставалось за ней. Молодой человек отвел взгляд от Палпатина и уставился в огонь. Мерцающие тени играли на его лице, подчеркивая жесткость выражения и напряжение на челюсти. Палпатин долго молчал, давая джедаям время осознать пережитое предательство. Он был изгнан как изгой теми, кто охотно отдал бы свои жизни, чтобы защитить его. Как глубоко это, должно быть, ранило его. И все же он сохранял самообладание, молчаливый и неподвижный, не сводя глаз с пламени.

"Здесь нет решения", - сказал он, хотя молодой человек хранил молчание. "Вы действительно верили, что они смогут вам помочь? В их глазах вы виновны не меньше, чем ваш отец". По мере того, как лицо мальчика мрачнело и становилось все более грозным, Палпатин впервые увидел в лице сына жесткость характера своего отца, его холодный и разрушительный потенциал. Он удовлетворенно облизал губы, когда его тщательно продуманная манипуляция начала приносить свои плоды. Палпатин продолжил свою речь: "Они не были предназначены для вас, джедаи. Они мешали тебе и открыли мне только то, что ты сейчас ценишь".

"Я ценю то, что течет в твоих жилах, что ты есть на самом деле. Все эти учения были направлены на то, чтобы изменить твою сущность, но теперь я несу ответственность за то, чтобы разорвать оковы, которые они на тебя наложили, и дать тебе ясность, позволяющую понять, чем они тебя связали".

Он медленно покачал головой. "Это ты заблуждаешься. А твой отец, что он видит с такой ясностью, что ускользает от тебя? Они тоже не доверяли ему, несмотря на то, что он много лет служил им".

Они не доверяют никому из вашего рода — вы обладаете связью с Силой и непреклонным характером, что выбивает их из колеи. Они предпочитают послушных слуг. "Я не такой, что бы вы ни думали", - сказал молодой человек, и в его голосе послышались гневные нотки. "Я предоставил ему свободу и власть, которых он заслуживал. Эти ограничения только сдерживали его, подавляя его потенциал".

Палпатин, возмущенный таким сравнением, прошипел в ответ: "Он был ситхом. Он был удивительным существом, наделенным способностями и связями, которые они даже не могли себе представить. Поэтому они стремились ограничить и сдерживать его, точно так же, как они стремятся ограничить вас сейчас. Эти мелочные законы, призванные контролировать тех, чей разум слишком слаб, чтобы думать самостоятельно, направлены на управление массами, подавление исключительных и оказание поддержки слабым".

Он продолжил: "Они стремятся подавить вас, связать, помешать вашему прогрессу, надеть ошейник на вашу шею. Но они не могут этого сделать. Они не могут сдерживать вас. Скайуокер недоверчиво покачал головой, но Палпатин продолжал, его слова были тихими, но настойчивыми, а в голосе звучала гипнотическая уверенность. - Ты был слишком волевым и непредсказуемым, слишком могущественным, чтобы тебя можно было контролировать. Как они могли приказывать тому, чего не могли понять? И они никогда бы тебя не поняли... ты знал это, даже если не знал почему."

Слова Мастера-джедая эхом отдавались в голове Скайуокера, напоминая о тьме, которая таилась внутри него. Он слышал ее вой, похожий на волчий лай в ночи, призывающий его вернуться в свою стаю. Он чувствовал это первобытное влечение, пронизывающее каждую клеточку его существа, инстинктивный зов, который он не мог игнорировать. Это было в его

крови, в каждой клеточке его тела, и он откликнулся на этот зов.

Палпатин был прав. Если бы Скайуокер был обычным джедаем, Палпатин давно бы его убил. Но Темная сторона признала свою собственную, и Палпатин понимал его как никто другой. Юный джедай закрыл глаза, пытаясь отгородиться от правды, которая огнем горела в его душе. Но на этот раз он не стал ее отрицать. Он не отвернулся. Загляни поглубже в себя и узнай правду — почувствуй ее. Твоя сущность была выкована Темной Стороной. Судьба манит, но тырываешь себя на части в тщетном отрицании. Вы упорно цепляетесь за свет, но ваше существование - ложь, ваше отрицание разрушает все и вся на своем пути.

- Лжец, - пробормотал Люк, скорее с грустной надеждой, чем с обвинением. - Где же они сейчас, мой друг? Все те, кто пытался использовать тебя в своих целях, исчезли. Они упустили свой шанс и бросили тебя, когда ты не дал им повода причинить вред. Если вы не испытываете ненависти к ним за их действия, вы сознательно слепы. Стремитесь отомстить, и вы обманете и меня, и себя.

Джедай отвел взгляд, разрываясь между сомнением и неверием, когда Палпатин наклонился ближе. - Чего ты на самом деле желаешь в этот момент? спросил он. Мальчик пристально смотрел на него, глаза его отражали колеблющийся свет костра, и их собственное пламя, дикое и яростное, завораживало его. Это удовлетворило Палпатины. "Каковы ваши чувства, джедай? Что живет в вашей душе?" - спросил Палпатин. "Заверьте меня, что вы даруете им отпущение грехов, что этот проступок не терзает вашу совесть. Раскрой истину, хотя мы оба знаем об этом."

Люк оставался молчаливым и замкнутым, пытаясь игнорировать обвинительные речи Палпатины. Логика и эмоции боролись в нем под влиянием страха — неподдельного страха. Он размышлял о возможности того, что Палпатин мог быть прав, даже если его намерения не были злонамеренными. Что, если Люка предали или им манипулировали? Что, если судьба привела его именно туда, где ему самое место?

После того, как Лея спасла его из Облачного города, Люк считал, что это был худший момент в его жизни, думая, что хуже уже быть не может. Однако судьба доказала, что он ошибался. Судьба лишила его всего — друзей, убеждений, идентичности и свободы, оставив его в полном одиночестве. Тем не менее, это также раскрыло его отца, помогая ему понять свою истинную природу.

Палпатин, с его резкими и безжалостными словами и злобным взглядом, оставался непреклонным. Люк смотрел на него, не находя слов. В тот момент все, что он мог сделать, это отступить и, пошатываясь, вернуться в свою комнату, а торжествующая улыбка ситха все еще стояла у него в голове.

Мара вздрогнула, бросив взгляд на Скайуокера, который резко поднялся на ноги. Том, который он просматривал все утро, был отложен, когда он повернулся лицом к дверному проему. Калейдоскоп эмоций промелькнул на его лице, начавшись с трепета и завершившись негодованием. Его зрачки сузились, а челюсть сжалась в ответ на что-то, чего Мара не смогла разглядеть.

Комлинк на ее бедре издал писк, заставивший ее вздрогнуть. Она возилась с ним, в то время как взгляд Скайуокера был прикован к дверному проему. - Джейд, - сказала она в устройство, - прибыл лорд Вейдер.

Приглушенные голоса ответили на ее вопрос, но один вопрос остался без ответа: почему Скайуокер отреагировал таким образом, почему он питал больше враждебности к Вейдеру, чем к Палпатину?

“Принято”, - ответила она. Продолжая наблюдать за Скайуокером, она отключила комлинк, когда приглушенный звук открывающихся замков возвестил о приближении Вейдера. Лорд Вейдер был единственным человеком, который имел неограниченный доступ к Скайуокеру, не считая его хозяина. Несмотря на строгие инструкции проинформировать Палпатина, Мара позаботилась о том, чтобы все протоколы безопасности были на месте, как и всегда. Несколько мгновений спустя укрепленные двери открылись.

Мара приблизилась, услышав характерное шипение дыхания Вейдера, когда массивные двери раздвинулись. - Милорд, - она слегка наклонила голову, не сводя с него пристального взгляда. - Коммандер, - ответил он, не глядя на нее, жестом приказывая ей уйти. Мара начала двигаться вперед, но Скайуокер сказал: "Нет, Рэд. Останься".

Мара колебалась в нерешительности. Вейдер перевел взгляд на нее и заявил: "Она должна уйти".

- Нет, - ответил Скайуокер напряженным голосом, заставив ее сделать неловкую паузу. Хотя, когда Мара повернулась к нему, Скайуокер продолжал пристально смотреть на Вейдера, - я уверен, что нет ничего такого, что мой отец не хотел бы сказать, чем нельзя было бы поделиться в твоём присутствии. "Отец! Мара была поражена его словами, ее удивление было слишком глубоким, чтобы притворяться. Она попыталась поймать взгляд Скайуокера, но он лишь нахмурился.

Дарт Вейдер медленно повернулся, его безликая маска призывала ее заговорить. Но он не стал этого отрицать.

Мара оглянулась на Люка, внезапно осознав больше об этом — о нем и обо всем, что здесь произошло, о большой игре, которую вел ее учитель. И все же, когда она получила ответы на многие вопросы, возникли другие. Если он был сыном Вейдера, то где он был? Что можно сказать о его связи с Восстанием и джедаями? Было ли что-то из этого правдой? Конечно, это было так. Она просмотрела сотни чипов с данными, каждый из которых содержал информацию от группы, занимающейся наблюдением за ним, — его прошлую и текущую деятельность. Вот уже более года, с тех пор как его имя впервые появилось в списке самых разыскиваемых преступников Империи, он занимал первое место среди их разыскиваемых объектов.

Во время его задержания на Беспине Мара узнала о семнадцати различных операциях, направленных на его поимку, и все они спонсировались Империей, не считая военных действий, которыми руководил не кто иной, как сам Вейдер. Она повернулась к нему, ее мысли металась, пока она пыталась собрать все воедино.

В течение нескольких часов были тщательно изучены сотни чипов с данными, и бесчисленное количество человеко-часов было потрачено на поиски пилота, который разрушил заветный проект императора. В конце концов, имя было раскрыто — и все изменилось. Разведывательный отдел, работающий над этим делом, за одну ночь был расширен в четыре раза и выделен в отдельное подразделение. Они больше не участвовали в других мероприятиях по борьбе с повстанцами. Даже самому лорду Вейдеру было поручено возглавить расследование... Они ничего не знали о Люке — они даже не подозревали о его существовании! Она вспомнила слова Палпатина, когда он впервые встретил своего нового ученика в ордена джедаев, о его восхищении и ожиданиях. “Он совсем не похож на свою мать, только на своего

отца”, - заявил он. Его мать... кем она была? Откуда она родом? Вырос ли Люк в одиночестве на отдаленной планете на окраине галактики, или в этом был замешан кто-то еще? Было ли все это правдой, или это была тщательно сконструированная гипербола?

Все снова оказалось под вопросом. Однако одно было ясно: причина, по которой Скайуокер оказался там. Почему Палпатин так страстно желал его с того момента, как узнал о его существовании? Услышав это откровение, Скайуокер холодно посмотрел на своего отца. “Я что-то не так сказал?” спросил он, ожидая ответа от Вейдера. “Нет, не так”, - коротко ответил Вейдер. Они оба хранили молчание, не желая отступать, в воздухе чувствовалось напряжение. Наконец Мара заговорила: “Я думаю, мне пора идти”.

- Нет, ты должна остаться, - с силой повторил Скайуокер, и его неожиданный приказ заставил Мару заколебаться.

“Ей приказано улететь”, - сказал Вейдер, и в его голосе прозвучала решимость, не оставляющая места для споров. Однако Скайуокера это, похоже, не смутило.

Теперь Мара понимала настойчивость Вейдера. “Кто отдал тебе этот приказ?” Спросил Люк Вейдера.

- Император, - ответил Вейдер. Выражение властности на лице Люка сменилось горечью, когда он узнал, кем была Мара. Она смущенно отвела взгляд.

- Понимаю, - тихо сказал Люк, продолжая пристально смотреть на нее, хотя она избегала его взгляда. - И ты беспрекословно подчиняешься приказам Палпатина, - продолжил он. - Ты считаешь себя выше этого? - Спросил Вейдер, возвращая внимание Люка к себе.

Люк невесело усмехнулся и отвернулся. - Коммандер Джейд, я предлагаю вам удалиться, - наконец произнес он сухим, лишенным эмоций тоном. Упрек задел, хотя и не должен был задело. Мара понимала, что ничем не обязана Люку — ее не должно волновать, что он о ней думает. И все же ей было не все равно, поправила она себя. Она быстро ушла, опустив голову, стиснув зубы, разгневанная, взволнованная и уязвленная. Когда тяжелая дверь за ней захлопнулась, она замедлила шаг и остановилась в большом зале, все еще не оправившись от своих откровений. Не обращая внимания на рассеянные взгляды охранников или камеры наблюдения, фиксирующие каждое ее движение, она размышляла о сыне Вейдера, сыне Дарта Вейдера. Она жила с ним в одной комнате, непринужденно беседовала с ним. Она наблюдала за ним, слушала его. Я играл в сабакк с сыном Вейдера, не понимая, с кем разговариваю. И тут она решила, что она лучшая, с детства обученная различать все нюансы, каждую деталь. Но я не подозревал. Были ли мы такими уж разными или нет? Абсолютный приказ, прозвучавший в голосе Скайуокера, заставил меня замереть. Почему император не сообщил мне об этом? Почему он не разъяснил этот экстраординарный факт, когда все стало ясно? Почему он доверил мне охранять его, зная о моих чувствах к Вейдеру, моей неприязни к нему и моем глубоком недоверии? Почему он хотел, чтобы я встретился со Скайуокером, прежде чем сделать сокрушительное открытие? Было очевидно, что он предвидел такой исход, что я так или иначе узнаю правду. Хотя, возможно, это произошло раньше, чем предполагалось, результат остался неизменным.

Он наслаждался своими играми, часто участвуя в них для собственного развлечения. Она продолжила свой медленный спуск по коридору, чтобы убедиться, что ее хозяин знает о присутствии Вейдера. По правде говоря, не имело значения, кто был пленником; их всех ждала одна и та же участь. Рано или поздно, но это неизбежно, ее хозяин потеряет терпение и обратится против Скайуокера, чтобы отомстить. И он уничтожит его. В какой-то момент она

потеряла из виду истинные намерения Палпатина, которые остались неизменными. Знание личности Скайуокера лишь подчеркивало мрачную реальность: Палпатин либо уничтожит его, либо ликвидирует полностью. Любой, кто связан со Скайуокером, даже те, кто был вовлечен в это невольно, будут вовлечены в сопутствующий ущерб.

Это не должно было стать ее судьбой. Возможно, именно этот урок хотел преподать мастер Палпатин, поскольку она явно пренебрегла им. Она ускорила шаги, злясь на себя за то, что на мгновение ослабила бдительность, злясь на Скайуокера за то, что он прорвал ее оборону, но в то же время благодарная мастеру Палпатину за то, что он показал уязвимость, присущую человеческим эмоциям, особенно этой.

После ухода Джейд они постояли в тишине. Скайуокер пристально смотрел на отца, его лицо было настороженным и непроницаемым. Казалось, он научился скрывать свои мысли. В конце концов, он отвернулся и молча подошел к высоким окнам, где и остался, отвернувшись от Вейдера, в тишине. Вейдеру ничего не оставалось, кроме как наблюдать. Он понимал, что их отношения переросли в конфликт, но не знал, как его разрешить. Почему мальчик продолжал возвращаться? Какая-то сила, которая была сильнее любого барьера, который он мог воздвигнуть, продолжала тянуть его обратно. Потребность, более сильная, чем отказ. Хотя Вейдер не мог ни назвать ее, ни сформулировать, она не покидала его, заставляя вернуться.

- Люк... - Сказал Вейдер. Мальчик молчал. Вейдер спросил: "Кто дал тебе это имя?"

Люк ответил: "Я не знаю". Между ними повисло глубокое молчание, Вейдер не знал, как продолжить, и чувствовал себя неуютно в этой затянувшейся тишине. Как только он это сделал, он услышал голос своего сына, едва слышный шепот. "Как... тебя звали?" - спросил он. Вейдер довольно долго молчал, затем, наконец, ответил: "Энакин... Энакин Скайуокер". Прошла целая вечность с тех пор, как Вейдер произносил эти слова вслух.

Поначалу его сын казался удивленным и колеблющимся, но Вейдер продолжал настаивать. "Прости меня, сын мой. Я подвел тебя".

"Ты служил императору, когда я родился?" Повторил сын Вейдера тихим голосом, не выдавая ни одной из эмоций, которые Вейдер мог различить сквозь Силу — отчаянную тоску, смешанную с беспокойством и страхом. Страх, что это знание может привлечь Вейдера и подавить его.

Люк ответил не сразу, но его решительный кивок и неподвижная спина говорили сами за себя. Вейдер почувствовал, как его охватывает раскаяние, несмотря на молчание сына. И Люк, и Вейдер прекрасно понимали, на что надеялся первый — что он хотел услышать. Однако Вейдер не мог дать ему такой надежды. Вместо этого он мог только выразить свое раскаяние и принести извинения.

Осознав, что Энакин жил недолго, когда родился, Вейдер понял, что его отец — человек, воспоминания о котором он лелеял на протяжении многих лет, — все еще жив, хотя и в другом обличье. Это осознание постепенно пришло к нему, но все равно заставило его желудок сжаться.

Вейдер больше не был биологическим отцом Энакина. Этот титул принадлежал Энакину Скайуокеру. Вейдер предал и уничтожил Энакина, добровольно пожертвовав им, чтобы обрести силу Дарта Вейдера, которой он теперь владел без всяких колебаний, заявляя: "Я делал то, что считал правильным". Его сын на мгновение повернулся к нему, но отказался встретиться с ним взглядом. Вейдер понимал, что это было предложение перемирия, а не

принятие или понимание, и уж точно не примирение, но предложение попытаться найти золотую середину, с которой можно начать. До этого момента, пока его сын сам не заговорил, он не осознавал, как отчаянно он этого хотел. Теперь, когда слова были произнесены открыто, это было похоже на дождь в пустыне. Ему так хотелось сказать "да", предложить что угодно, лишь бы это продолжалось, сказать все, что хотел услышать его сын. Однако, не желая обманывать, он уклонился от ответа: "Почему ты так уверен, что я не прав?" Его сын наконец повернулся к нему, голубые глаза его затуманились от разочарования: "Как ты можешь даже спрашивать?" Это был не вопрос, и в голосе Люка он услышал горькое, искреннее признание глубокой пропасти между ними.

- Ты изменишься, - сказал Вейдер. " Придешь к более глубокому пониманию своей роли в галактике и своих прав.

- Как и ты? Спросил Люк с горечью в голосе.

Вейдер безоговорочно признал, "Как и я". "Понимание придет со временем".

Люк недоверчиво покачал головой. — Я уже понимаю тебя — это то, что пугает меня больше всего, - сказал Вейдер, делая шаг вперед, разозленный тем, что его сын чувствует себя так, как его заставили чувствовать себя джедаи, которые забрали его у него, стремясь только манипулировать им.

"Ты не должен бояться того, кто ты есть — ты должен гордиться", - продолжил Вейдер.

Люк усмехнулся, по-настоящему пренебрежительно. Вейдер нахмурился, не в силах понять этот отказ.

- Гордиться чем? - спросил Люк.

Вейдер нахмурился. — О твоей силе, о твоих способностях. Осознай, кто ты есть, - сказал он.

Его сын покачал головой. "Я больше не знаю", - прошептал он, отступая, отчаянно желая сохранить дистанцию между ними. Он выглядел потерянным, безнадежно сбитым с толку. Это было положительным событием. Вейдер сказал себе, что Люк начинает сомневаться в учении джедаев, а это было именно то, на что он надеялся. Это была их возможность, их шанс. Все, чего желал Вейдер, могло быть достигнуто, но что-то внутри него не могло не откликнуться на мольбы сына.

- Ты мой сын, - сказал он твердым голосом. Люк поднял глаза, неохотно признавая слова отца. - Я заблудился, - ответил он. - А ты только хочешь увести меня еще дальше от света.

Люк продолжил: "Я понимаю, но не могу согласиться с вами. Кажется, что никто из нас по-настоящему не понимает. Император откроет вам правду и принесет понимание", - повторил он. Впервые Люк склонил голову, признавая, хотя и неохотно, что, возможно, император может заставить его подчиниться. Было ли это важной уступкой со стороны Люка или просто временным ослаблением его мужества? Возможно, он больше не мог сказать с уверенностью. Так много убеждений, которыми он когда-то дорожил, которые были основой его существования, теперь рухнули под дотошными манипуляциями императора.

С внезапной решимостью молодой человек поднял голову. Короткая вспышка неуверенности полностью исчезла. "Никогда я не поверю, что дело Палпатина справедливо, никогда я не соглашусь с тем, что он преследует что—либо, кроме своих личных интересов. Ничто не поколеблет моей решимости — ни он, ни ты". "Только...", — твердо сказал Вейдер. "Нет, я

больше не буду этого делать. Я отказываюсь продолжать обсуждать одни и те же вещи, пока ты занимаешься самоанализом или оправдываешь мое присутствие здесь".

Вейдер остался в молчании, не зная, как реагировать на это резкое замечание. Он не хотел вступать в дальнейший спор, поэтому хранил молчание, пытаясь унять свою ярость. Когда Вейдер отвернулся, в его тоне прозвучало пренебрежение. "Тебе следует уйти", - заявил он.

Разочарованный Вейдер не желал, чтобы его увольняли. "Нет, я останусь", - настаивал он. Люк не оглянулся. "Ты уже ушел — двадцать два года назад", - ответил он. "Я был удален от твоего присутствия. Ты не покидал меня", - возразил Вейдер. "Я не покидал тебя физически", - парировал Люк. Раны оставались свежими, и Люк осознавал это. Его восприятие и эмоции быстро менялись.

"Мои решения остаются за мной, и я не буду о них сожалеть", - сказал Люк. "Тогда почему ты здесь?" - как бы невзначай задал Люк еще один острый вопрос. Его лицо оставалось невозмутимым. "Это был не мой выбор - потерять тебя", - добавил он. "Но это было мое решение - привести тебя сюда, - ответил Вейдер, нанося еще один удар с холодной, отточенной точностью. Он ушел, оставив Люка размышлять, не слишком ли сильно молодой джедай впитал в себя влияние Палпатина. — Я уже говорил раньше, что не жалею о своем выборе.

Люк резко обернулся, пытаясь разглядеть нечеловеческую маску, скрывавшую глаза его отца, но обнаружил, что на него смотрит его собственное отражение — темное и искаженное. - Я сожалею об этом, - наконец прошептал он, и в этот момент его голос был полон тоски и искренности. Он был совершенно сбит с толку переменчивыми превращениями Вейдера, но все же не мог сопротивляться притяжению, слишком усталый и притянутый к себе, чтобы отпустить его. "Я надеялся..." Он издал короткий невеселый смешок, на его лице отразилось чувство побежденного сожаления. Он перешел от резкости и пренебрежения к открытости, в мгновение ока преодолев все барьеры. "Глупые поступки — наивные, слепые, безрассудные поступки. И каждый раз, когда ты возвращаешься, какая-то частичка меня все еще надеется." "Глупо, - сказал он, - но я потерял все, чего когда-либо желал". Он отвел взгляд, не в силах осознать, что признался в этом своему отцу. Измученный, уставший от игры в одну и ту же игру, от постоянного хождения вокруг да около, от скрытых намерений, что-то заставило Люка в тот момент сказать правду. Он знал, что это его последний шанс.

"Каждый раз, когда я возвращаюсь, мне напоминают об этом", - сказал он, качая головой в знак смирения и отчаяния. "И я не могу продолжать это". Он искал какой-нибудь знак признания со стороны своего отца - любой знак вообще. Он хотел, чтобы отец видел в нем не просто средство для достижения цели, как видели в нем многие другие. "Ты действительно заботаешься обо мне?" - спросил он шепотом, когда его охватило сомнение. Вейдер, не находя слов, просто ответил: "Ты мой сын".

Люк издал глухой смешок, иронизируя над отсутствием реакции со стороны отца. Он пристально посмотрел на маску Звезды Смерти, пытаясь проникнуть за ее фасад и найти человека, скрывающегося за ним. Возможно, там не на что было смотреть, потому что ничего не осталось.

- Тогда не возвращайся, - заявил Люк серьезным и решительным тоном.

Вейдер был ошеломлен заявлением своего сына, осознав далеко идущие последствия его слов. Серьезность этого решения тяжело давила на него, лишая всякой надежды в тот момент. Однако он оставался стойким, не желая поступаться своей гордостью. Его сын долго смотрел

Вейдеру в глаза, прежде чем тот отвернулся.

Не в силах найти больше слов, Вейдер молча вышел из комнаты, оставив сына одного. Люк стоял неподвижно, выпрямив спину и расправив плечи, глядя на отражение Вейдера в окне. Долгое время Вейдер молча смотрел на него, прежде чем, наконец, отвернуться, оставив Люка стоять в одиночестве. Когда Вейдер ушел, плечи Люка поникли, но он отказался повернуться и посмотреть на своего отца. Зная о скрытых камерах наблюдения, он хранил молчание, не желая делиться глубиной своих сокровенных мыслей.

Вейдер зашагал прочь, в его эмоциях бушевала буря, когда он только что услышал заявление Люка о непримиримых убеждениях. Несмотря на их короткое знакомство, он понимал глубокую привязанность Люка к памяти своего отца-джедая, человека, который боролся за справедливость и свободу. Вейдер восхищался, уважал и даже любил этого человека, но теперь он был вынужден ненавидеть и презирать его. Только тогда Вейдер по-настоящему осознал опустошение, вызванное его словами в Облачном городе. В один миг они уничтожили убежденность и веру его сына. Вейдер разрушил самые основы существования своего сына, оставив после себя открытую рану, которая никогда не заживет. Было глупо думать, что он может исправить такое дело простыми словами. Он сломил дух своего сына, уничтожил его надежды. Но Вейдер не мог нести единоличную ответственность за это. Оби-Ван также сыграл свою роль в этой трагедии.

Оби-Вану было недостаточно обманывать свою жену и манипулировать ею, использовать гипноз и коварство, чтобы увести ее от Вейдера с его нереалистичными идеалами и праведным негодованием. Ему также было недостаточно привести ее на Мустафар, где Энакин потерял все, и восстать против него, уничтожив его, оставив Вейдера гореть в аду из-за их разорванной связи.

Нет, Оби-Ван пошел еще дальше в своем последнем акте мести. Он украл ребенка Энакина, не только физически, но и ментально, спрятав его, наполнив его разум обманом, точно так же, как он поступил с Падме. Оби-Ван не позволил Вейдеру связаться со своим сыном даже в последние минуты его мести за неповиновение джедаям. Это было долгое испытание, но император, несомненно, наслаждался каждым мгновением ожидания. Он знал, что это опалит Вейдера, как разъедающее пламя Мустафара, разгорающееся заново каждый раз, когда он смотрит на своего сына.

И поскольку Вейдеру некуда было деться, ярость поглотила все угрызения совести и чувство вины. Он перестал принимать свою роль в этом. Все дело было в Оби-Ване, все дело было в Энакине. Вейдер так и не простил Оби-Вана за то, что тот встал между ним и Куай-Гоном, так и не смирился с тем, что он был сильнее. Он всегда сдерживал себя, стремясь к контролю.

Как и предсказывал Палпатин, когда Энакин, наконец, вырвался на свободу, он забрал все, что имело значение для Вейдера. И теперь это было окончательное возмездие Вейдера, его последний мстительный удар в самое сердце Вейдера, безжалостный удар с холодной, беспощадной точностью. В этот момент Вейдер почувствовал к себе крайнее презрение... Вейдер оставался неподвижным, его темный плащ неистово развеивался, когда он стоял в роскошном коридоре, темная фигура, окутанная тьмой. В этот момент он возненавидел и самого себя.